Только когда она была в нескольких шагах от него, а дверь закрылась и надежно заперлась за ней, она позвала его по имени.

"Арри".

От испуга он начал падать со стола, за которым сидел, и упал бы на пол, приземлившись на спину, если бы рука Флер молниеносно не протянулась и не схватила его, чтобы удержать в вертикальном положении.

При виде того, кто это был, его лицо на мгновение превратилось из панического в улыбчивое. "Флёр, - сказал Гарри, - что ты здесь делаешь?"

Он скорее почувствовал, чем увидел в плохом освещении, как ее рука легла на его руку. "Ты был расстроен, когда покинул великую страну".

Гарри вздохнул. "Немного поссорился с Гермионой из-за...", - он замешкался.

И она закончила. "Из-за меня", - мягко сказала Флер. Ее пальцы переплелись с его пальцами, и она крепче прижалась к нему. Она решила сесть рядом с ним, хотя на столе было не так много места, и они сидели плечом к плечу, держась за руки. Это был простой жест, ничего грандиозного, но он помог так, что он не смог бы описать. Флёр ничего не сказала о Гермионе, ни плохого, ни хорошего; она позволила воцариться тишине и позволила ему прийти к ней по собственной воле.

Гарри повернул голову в сторону и, вместо того чтобы говорить, прижался ртом к губам Флёр, с трудом сопротивляясь первобытному желанию раздвинуть её губы языком, схватить её голову и придвинуться ближе, впитать аромат, вкус, позволить безумной похоти и привязанности, которые он испытывал к французской ведьме, захватить его, прокляв все тревоги мира и исчезнув. Но он не сделал этого. Как всегда, он сдержал себя, как и много раз до этого, и в свою очередь уважал ее сдержанность.

Они согревали друг друга до самого позднего часа ночи единственным известным им способом.

И это произошло так быстро и внезапно.

Вечер Йольского бала.

Гарри спустился в вестибюль, рядом с ним был Рон, которого быстро подхватила его спутница из Рейвенкло, а Гермионы нигде не было видно. Последние несколько дней после их ссоры никто из них не разговаривал друг с другом, надеясь, что если они проигнорируют это дело, то оно вскоре исчезнет из памяти. Оглядевшись по сторонам, Гарри не увидел ни единого волоска Гермионы и подумал, что, возможно, она вообще сфабриковала дату бала и надеется, что друзья проведут его с ней, а не с какой-нибудь другой девушкой. В глубине его нутра зашевелилось чувство вины, а в придачу к нему - ненависть к себе. Оно могло бы продолжаться и дальше, если бы не надвигающееся отвлечение, которое будоражило его разум.

Прибыли остальные чемпионы Трех Волшебников.

Первым среди них был Седрик с Чо рядом, оба были безупречно одеты: первый - в черную величественную мантию, вторая - в серебристое платье восточного стиля, которое поднималось от щиколоток до самой шеи. Она была прекрасна.

И она была ничто по сравнению с Флер.

У Флер Делакур перехватило дыхание, и он довольно резко вдохнул, насколько великолепно она выглядела. Одеяние из серебристо-серого атласа с цветочными узорами и лебедями облегало ее молочно-белую кожу, обнажая ее, казалось, беспорядочно расположенные участки: кончик правого плеча, прозрачную линию под правым коленом спереди, кусочек кожи на шее. Ее волосы, блестящие и роскошные, были подвешены над шеей в довольно сложный и витиеватый пучок, по локону волос с каждой стороны лица, обрамляя его, подчеркивая симметричное совершенство, выделяя ямочки, когда она улыбалась.

А когда она улыбалась при виде его, мир переставал иметь значение. Он вернулся к этому, когда она протянула к нему руку, только для того, чтобы низко поклониться и поцеловать костяшки пальцев, и он почувствовал, как сладкие нотки вырвались из его уст, когда они коснулись ее кожи. Гарри поднял голову и увидел блеск удовлетворения в ее полуночно-голубых глазах и губы, сжатые в улыбке.

"Ну что, Флер?" - спросил Гарри, опуская ее руку и отпуская.

Она грациозно, одним движением, маневрировала рядом с ним, пропустила его руку через свою и прижала к своему боку.

"Oui 'arry'. Так и сделаем", - с улыбкой сказала Флер.

Они расположились рядом с Седриком и Чо, которые стояли между ними и Крумом и тем, кто был его спутником.

Вскоре в вестибюле воцарилась тишина, свет померк, появилась МакГонагалл, и двери распахнулись.

Если бы кто-нибудь сказал Гарри Поттеру, что ему понравится танцевать и кружиться на глазах у сотен и сотен ведьм и волшебников, совершенно не заботясь о том, что они думают о нем, что видят, он бы назвал этого человека сумасшедшим. Он никогда бы не пришел в восторг от того, что находится в центре внимания, такова была его душа и сердце. Но с Флер в его объятиях, с одной рукой в его, другой на его плече, а он держал ее за талию, он мог танцевать всю ночь и всю свою жизнь. Они кружились и кружились, и Гарри не знал и даже не чувствовал этого, как Флёр расправила крылья своего очарования и широко распахнула их, обратив на них взгляды и умы всех, как и подобает завораживающей красавице её масштаба.

Первый танец подошел к концу, и они покинули зал, а на их место хлынули десятки ведьм и волшебников.

Чемпионы делили свой стол с представителями Хогвартса и других школ, персоналом и судьями, хотя, к счастью, Гарри удалось избежать места рядом с Перси, который сменил Барти Крауча на посту главы департамента ММЦ после того, как старшего волшебника понизили в должности, когда в "Ежедневном пророке" всплыла история с отсутствием суда над Сириусом.

Гарри оказался сидящим рядом с Краумом, а Флёр расположилась рядом с Чо, которая изредка бросала на них взгляды, но из любопытства, зависти или чего-то ещё, никто из них не знал, да и не заботился. Они высказали свое мнение о чемпионе и его спутнице, когда те попросили их поменяться партнерами в середине танца. И Флёр, и Гарри одновременно произнесли очень чёткое и громкое "нет". На лице Чо вместо жалостливой улыбки появилось выражение откровенного шока, похожее на то, которое украшало её черты, когда Гарри впервые попросил

Флёр сопровождать его на бал.

Ликование пришло на смену его собственному первоначальному возмущению вопросом, и с тех пор оно поселилось в его нутре, урча от удовольствия.

Но более серьезная причина для его гнева была еще впереди, когда они снова вышли на паркет и закружились в танце.

Гарри не обращал внимания на Крума и его спутницу, поскольку они подходили все ближе и ближе, а лицо ведьмы было обеспокоено. Если бы они не подошли так близко, что почти могли коснуться Гарри и Флёр, он бы ни разу не взглянул на них до конца вечера; такова была красота Флёр, таков был его добровольный восторг перед ней. Но они подошли вплотную.

И он взглянул на лицо друга.

И Гарри увидел только красное.

Ему вновь показали, как искусна Флёр, на этот раз с помощью магии слов, а не палочки. Она прогнала их, чемпиона Дурмстранга и... и... Гермиону Грейнджер. Ему было противно думать о ней так, словно она была всего лишь еще одной студенткой, еще одним гриффиндорцем, с которым он общался лишь мимолетно, а не переплетался годами дружбы.

Он ненавидел ее. Он ненавидел ее.

"Лицемерка", - пробормотала Флер по-французски, и это слово, не имеющее языкового барьера, пронзило его глубоко и верно.

А ему хотелось поцеловать Флер. Хотел заключить ее в объятия и выразить ей сотни, если не тысячи, благодарностей.

Пугало то, что ведьма, которую он знал меньше двух недель, могла видеть, как в его глазах зарождается буря гнева, и все же его трехлетний друг надеялся, что это пройдет и все будет хорошо и прекрасно.

Если бы Рон не появился... Гарри содрогнулся при этой мысли.

Рон. Кто бы мог подумать? Между ним и Флёр Гермиона разобралась быстро, пристыженная и отброшенная в сторону.

"После всех тех неприятностей, которые ты устроила ему за то, что он пригласил Делакур, - сказал Рон, отводя глаза от Флер, чтобы избежать повторения знакомой ситуации, - ты действительно встречалась с Виктором Крамом?" Это имя звучало как проклятие, если бы и было таковым. Его некогда герой теперь превратился в ужасного злодея. И как странно, что Рон причинил заслуженное огорчение Гермионе, а не наоборот.

Рон. Он помнил этот взгляд друга, который говорил ему, что тот прикроет его, несмотря ни на что. Рон, вера восстановлена.

Но этого было недостаточно, почти недостаточно, и как раз в тот момент, когда он был близок к тому, чтобы взорваться, повысить голос и проклясть всех, кто думал, что ему есть дело до того, что они видят или слышат, Флер снова начала действовать. Убрав руку с его плеча, она убрала его руку со своей талии, а оставшуюся взяла в обе свои и повела его к выходу. Мимо

дверей Большого зала, мимо огромной пустоты вестибюля… пока они оба не оказались под звездным небом.

http://tl.rulate.ru/book/4312/154736